

А. П. Клемешев, И. Н. Тарасов

**ПРИБАЛТИКА НАКАНУНЕ
И ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ДИЛЕММА НЕЗАВИСИМОСТИ**

70

Рассмотрены события 1930–1940-х гг. в Прибалтике. Проанализированы изменения политических систем и международных приоритетов правящих элит Литвы, Латвии и Эстонии. Определено влияние внутривнутриполитических факторов на решение проблемы сохранения независимости в условиях мировой войны.

This article considers the events of the 1930–1940s in the Baltics. The authors analyse changes in the political systems and international priorities of the ruling elites of Lithuania, Latvia, and Estonia. The influence of domestic factors on solving the problem of independence preservation in the conditions of world war is identified.

Ключевые слова: страны Балтии, политический режим, независимость.

Key words: Baltic States, political regime, independence.

В современной историографии вопросу об исторической судьбе независимости стран Восточной Прибалтики уделяется гораздо меньше внимания, чем того заслуживает данная тема. Большинство работ, посвященных этой проблеме, носят тенденциозный характер, что обусловлено идеологическими стереотипами периода холодной войны либо националистической направленностью политического «мейнстрима». Таковы работы финского историка С. Миллиньеми, американских исследователей Р. Мисюнаса и Р. Таагеперы, отечественных специалистов А. Атамукаса, В. Сиколы, С. Кузнецова, Б. Нетребского и др. Большой интерес вызывают опубликованные материалы советских и немецких архивных документов. Большинство подобных документов на русском языке извлечены из архивов КГБ СССР и перед публикацией прошли соответствующий «цензурный» отбор. Таким образом, исследователь сталкивается с проблемой ограниченности и тенденциозности открытых источников.

В свете современных событий, происходящих в Прибалтике и вокруг нее, становится все более очевидной необходимость объективной, освобожденной от идеологических и националистических пут оценки сложных и многогранных процессов 1930–1940-х гг.

Внешнеполитическое положение Литвы, Латвии и Эстонии в период их первой независимости было чрезвычайно сложным. С одной стороны, существовали отношения с Советской Россией а затем и с СССР), с другой — со странами Европы и США. Территориальные споры Литвы с Польшей и Германией, Латвии и Эстонии с Россией / СССР и между собой были в целом разрешены в 1920–1923 гг., за исключением вопросов о Виленском крае и установлении морских границ. Литва со-

храняла ориентацию на Германию, Латвия и Эстония в 1920-х — больше на Великобританию и США. В 1930-х гг. произошла переориентация на Германию и Финляндию, внутренняя политика в эти годы также претерпела коренные изменения.

После переворота 17 декабря 1926 г. в Литве начался процесс свертывания политической демократии, что в итоге привело к диктатуре таутининков и ее лидера А. Сметоны; в Латвии усилилась критика правительственного курса президента Я. Чаксте. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. серьезно подорвал экономику стран Балтии, которая носила явный аграрно-индустриальный характер с приоритетом сельского хозяйства. Падение курса национальных валют, рост цен, кризис мызного (хуторского) хозяйства обусловили рост социальной напряженности в обществе. Сменяющие друг друга правительства не могли справиться со сложившейся ситуацией, усиливалась роль радикальной оппозиции в обществе. Значительными оппозиционными силами были компартии, находившиеся на нелегальном положении. В такой обстановке крупнейшие правые партии — Крестьянский союз в Латвии и Аграрная партия в Эстонии — обвинили оппозицию в прокоммунистических настроениях и подрыве национальной независимости. Для всего межвоенного периода европейской истории нехарактерны политические рассуждения в дихотомии «демократическое — авторитарное»; скорее, более распространенными были суждения о национальном и имперском. Для политического дискурса стран Балтии имперская альтернатива была закрыта, а в скором времени — и демократическая. При поддержке армии в марте 1934 г. в Эстонии, а в мае 1934 г. в Латвии происходят государственные перевороты, во главе которых стояли К. Пятс и К. Улманис. В 1934—1935 гг. распускаются парламенты и все политические партии.

Таким образом, к середине 1930-х гг. в Прибалтике устанавливаются авторитарные режимы, практически прекращают действовать все демократические институты, формируются националистические организации. В Эстонии опорой Конституции 1937 г. стало общественно-политическое объединение *Исамаалийт* (*Отечественный союз*) и его военизированная организация самообороны — *Кайтселийт* (*Союз защиты*); в Литве оплотом правящей партии *Таутининкай саюнга* служил вооруженный *Шаулю саюнга* (*Союз стрелков*); в Латвии авторитарный режим К. Улманиса поддерживали праворадикальные организации *Айзсаргис* (*Охранники*), *Перконкрустс* (*Громовой крест*), *Угункрустс* (*Огненный крест*). Еще в 1933 г. *Перконкрустс* была запрещена, но после переворота 1934 г. она действовала под видом других организаций — *Тявияс сарги* (*Стражи отечества*), *Янулатвиешистс* (*Молодые латыши*). Диапазон деятельности этих организаций был чрезвычайно широким: от курирования скаутских отрядов до охраны правопорядка. В составе таких патриотических образований выделялось радикальное крыло, именно оно стало основой формирования профашистской идеологии, а его члены участвовали в еврейских погромах в Латвии и Литве. Также в Литве существовали антипольские настроения. До Второй мировой войны антирусские настроения не были определяющими у прибалтийских националистов, так как русские

воспринимались не больше, чем «дачники», а многие офицеры царской армии приняли участие в создании национальных армий стран Балтии.

К концу 1930-х гг. автократии Прибалтики не сумели решить проблем консолидации политического режима. Переход от партийного к персоналистскому правлению привел к новому расколу правящих элит, что, казалось бы, могло стать причиной появления других альтернатив политического развития. Однако во внешнеполитическом плане эти альтернативы были сведены к непростому выбору ориентации на более жесткие режимы нацистской Германии и сталинского СССР.

С подписанием 23 августа 1939 г. в Москве Секретного дополнительного протокола к договору о ненападении между СССР и Германией судьба независимости стран Балтии решилась. По этому соглашению Латвия и Эстония включались в зону влияния СССР, в конце сентября данное установление было распространено и на Литву, и МИД СССР начало вести переговоры с этими странами о заключении двухсторонних договоров. Оккупация Германией Клайпедской области в марте 1939 г. и вторжение вермахта в Польшу, присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР, вступление РККА в Виленскую область — все эти события создали условия, при которых правительства Эстонии (28 сентября), Латвии (5 октября) и Литвы (10 октября) пошли на подписание договоров с СССР. К Литве была присоединена Виленская область, а на территорию всех прибалтийских государств при необходимости вводились советские войска. Усилия правительств этих стран, направленные на сохранение независимого статуса, оказались тщетными в тисках националистического дискурса авторитарной власти. В декабре 1939 г. состоялись консультации министров иностранных дел Литвы, Латвии и Эстонии по вопросу безопасности государств. В феврале 1940 г. директор Департамента государственной безопасности Литвы А. Повилайтис совершает поездку в Берлин с целью достичь договоренности по сохранению независимости Литвы, однако таких гарантий германская сторона не дала [5, s. 63].

Вопрос о национальной независимости в условиях мировой войны стал главным для правительств Литвы, Латвии и Эстонии. Чтобы обеспечить коллективную безопасность, в марте 1940 г. был заключен трехсторонний договор о военном союзе. В этот период формируется мнение о том, что удержать независимость можно, лишь согласившись на вступление в Прибалтику вермахта. Командующий литовской армией С. Раштикис активно поддерживал такую идею [4]. Демократическая альтернатива, предполагавшая глубокие внутренние перемены и изменения внешней политики, занимала маргинальное положение в политическом дискурсе стран Балтии. Изменение характера государственного режима повышало риски распада всей политической системы, а судьба Чехословакии в условиях нейтралитета США и воюющей в одиночку на Западе Великобритании делали тактически невозможной демократическую альтернативу — спасение суверенитета. Вступление РККА на территорию стран Балтии и события 15–21 июня 1940 г. знаменовали собой конец независимости. Советские правительства, опиравшиеся на штыки РККА, заявляли о сохранении прежнего статуса, однако в армейских

кругах уже укрепилось мнение о необходимости войны между СССР и Германией с целью восстановления подлинной независимости. Бывший латвийский министр А. Валдманис предлагал передать Латвию в качестве автономного государства под протекторат Германии [2, р. 112]. Президент Советской Латвии А. Кирхенштейнс выступал за скорейшее присоединение Латвии к составу СССР. После «парламентских выборов» 14–15 июля 1940 г. и принятия Деклараций о советской власти 21–22 июля 1940 г. советизация Балтии вступила в активную фазу. В национальных армиях офицеры начали формировать подпольные боевые организации еще до момента роспуска «буржуазных армий» и складывания Национальных корпусов в составе РККА.

Укрепление позиций коммунистических партий как ведущих политических сил было осуществлено не демократизацией и социалистическими преобразованиями, а путем репрессий — своеобразного и «эффективного» способа, характерного для тоталитарного режима. Еще в период с октября 1939 по август 1940 г. органы НКВД СССР провели «работу по выявлению антисоветских и шпионских элементов». В результате уже после вступления Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР в августе 1940 г. органами НКВД соответствующих республик были составлены планы по депортации, раскулачиванию и борьбе с антисоветскими элементами. В августе 1940 — июне 1941 г. во всех прибалтийских республиках прошли массовые аресты; часть лиц по Соглашению между СССР и Германией от 10 января 1941 г. выслана в Германию; только из Литвы с 3 февраля по 25 марта 1941 г. было отправлено 50260 человек. На основе Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1941 г. в Литве, Латвии и Эстонии в начале июня 1941 г. проведена массовая депортация населения. Ее масштаб определяется исследователями в 300–370 тыс. человек [1, р. 75–76]. Выселению подлежали широкие категории: от высших государственных чиновников (как, например, бывший президент Латвии К. Улманис, умерший в тюрьме Красноводска в 1942 г.) до уездных начальников, от банкиров до собственников мыз.

Также мероприятия советского правительства сформировали двойственный фронт сопротивления: национальная эмиграция и антисоветское подполье, нацистская альтернатива стала главенствующей для них. В мае 1941 г. в Хельсинки был образован Эстонский комитет освобождения во главе с Хельмаром Мязэ, а в Германии, где сосредоточилась литовская и латвийская эмиграция, шли сложные процессы борьбы за лидерство. Появились сразу два латвийских правительства во главе с полковником Э. Крейшманисом и бывшим министром транспорта Б. Эйсбергсом.

В эмиграционных кругах при единстве мнения о том, что необходима опора на Германию для освобождения Прибалтики, существовали различные взгляды на будущее национальной независимости. Наиболее здравомыслящие политики считали, что объем этой независимости будет ровно таким, каким его опустит Германия (Ю. Улуотс, О. Тииф). Другая часть эмиграции и антисоветское подполье в Прибалтике считывали на то, что с помощью вермахта возможно восстановить былой

суверенитет в полном объеме. Такую иллюзию поддерживал рейхслайтер А. Розенберг. В Прибалтике на момент начала войны Германии против СССР действовало более сотни крупных и мелких антисоветских организаций. Самыми крупными и дееспособными среди них были эстонский *Кайтселийт*, литовский *Шаулю саюнга*, латвийский *Перконкрустс*. Все эти организации получали помощь из Германии и Финляндии. Необходимо отметить, что к моменту присоединения Прибалтики к СССР ведущие позиции в этих организациях заняли представители радикального крыла, выступавшие с профашистских установок.

С началом войны подпольные объединения активизировались. В городах Литвы 23 июня 1941 г. стали проводиться вооруженные акции подпольщиков из «Фронта литовских активистов», созданного в Германии. В крупнейших городах была блокирована деятельность государственных учреждений, сформировано правительство во главе с полковником литовской армии К. Шкирпой. В Латвии и Эстонии в июне — июле 1941 г. также перестали действовать советские учреждения. Германское руководство не приветствовало создание различных «правительств»: 5 августа 1941 г. было распущено правительство Шкирпы, вместо подобных правительств возникли местные «самоуправления» во главе с директорами в системе рейхскомиссариата «Остланд». Такие «самоуправления» возглавили: в Литве — А. Кубилюнас, в Латвии — Р. Бангерскис и О. Данкерс, в Эстонии — Х. Мяз. Круг полномочий этих администраций был крайне узок и сводился к оперативному управлению уездами, обеспечению правопорядка, содействию силам вермахта и СС. Вооруженную силу «самоуправлений» составляли подразделения восточных формирований вермахта и национальные отряды, входившие в РОА, а также появившиеся в 1942 г. Эстонский и Латвийский легионы СС. Их численность постоянно менялась: на 14 января 1944 г. во всех эстонских формированиях насчитывалось 10 тыс. человек, в латышских — 104 тыс. человек, в литовских — 36,8 тыс. человек [3, S. 261]. С поражением нацизма рухнули и эти марионеточные режимы. Опыт «самоуправлений» дискредитировал нацистскую альтернативу в решении вопроса о восстановлении государственности. Не случайно в конце Второй мировой войны в Прибалтике сложилась новая альтернатива, которую по образу действующих в ее рамках сил трудно назвать демократической, но которая все-таки отвергала как нацистскую, так и советскую перспективу политического развития Прибалтики (О. Тииф, Й. Жямайтис-Витаутас, П. Калныньш, А. Рей и др.).

Вопрос о сохранении независимости — центральный для политических элит стран Балтии во время Второй мировой войны — так и не был решен. Крах государственности стал национальной трагедией, мнимое «самоуправление» обернулось фарсом. Объективно нацистский режим позволял прибалтийским народам не больше, чем это делал советский. Трагедия заключается в том, что сам довоенный национальный режим, будучи недемократическим, не мог поставить точку в вопросе о сохранении суверенитета уже в середине 1930-х гг., когда произошла переориентация внешнеполитического курса, были установлены авторитарные режимы. Их стратегии в Прибалтике накануне и в первые месяцы войны Германии против СССР можно определить

как «торговлю» независимостью. Конечно, нельзя упускать из виду имперскую политику СССР и Германии, которая сделала независимость Балтии заложницей их амбиций.

Список литературы

1. *Anušauskas A.* Teroras ir nusikaltimai žmoniškumui. Pirmoji sovietinė okupacija. Terror and Crimes against Humanity. The First Soviet Occupation. Vilnius, 2006.
2. *Biezais H.* Latvija kāškrusta varā. Sveši kungi-pašu ļaudis. Gauja, 1992.
3. *Evarts E.* Riga als Zentrum des «Reichskommissariats Ostland»: die deutsche Okkupationsmacht und die lettische Landesselbstverwaltung 1941 – 1945 // Riga im Prozeß der Modernisierung. Studien zum Wandel einer Ostseemetropole im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Tagungen zur Ostmitteleuropa-Forschung. Marburg, 2004.
4. *Raštikis S.* Į Lietuvai mūšį. Los Angeles, 1957.
5. *Wołkonowski J.* Litewska okupacja Wileńszczyzny (27 października 1939 – 15 czerwca 1940 roku): Sauguma w walce z polskim państwem podziemnym // Mars: problematyka i historia wojskowości: studia i materiały. 1995. №3.

Об авторах

Андрей Павлович Клемешев – д-р полит. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: AKlemeshev@kantiana.ru

Илья Николаевич Тарасов – д-р полит. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: ITarasov@kantiana.ru

About the authors

Prof. Andrey Klemeshev, I. Kant Federal University, Kaliningrad.
E-mail: AKlemeshev@kantiana.ru

Prof. Ilya Tarasov, I. Kant Federal University, Kaliningrad.
E-mail: ITarasov@kantiana.ru